

Зеб Шилликот

Порошок жизни

Джаг

Зеб Шилликот
Порошок жизни

1988

Шилликот З.

Порошок жизни / З. Шилликот — 1988 — (Джаг)

Во время Постцивилизации – эпохи анархии и произвола – только настоящий хищник мог выжить в новом жестоком мире. Таким был Патч, одинокий бродяга-авантюрист, таким стал и его приемный сын Джаг, захваченный стремительным водоворотом фантастически опасных, головокружительных приключений.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Зеб Шилликот

Порошок жизни

Глава 1

Джаг резко передернул затворный рычаг винчестера и дослал пулю в ствол.

Потом, ни о чем не размышляя, он выстрелил в воздух, просто так, не прицеливаясь.

Грохот выстрела вспугнул нескольких стервятников, самых трусливых, а может, не самых голодных, и они тяжело поднялись в воздух. Правда, большая часть огромной стаи как ни в чем не бывало продолжала ужасное пиршество.

Испытывая брезгливость и отвращение к увиденному, Джаг достал второй патрон, прицелился в голую шею одного из стервятников и отстрелил ему голову. Не в силах остановиться, он убил еще одного, а потом подстрелил и третьего, как раз на взлете, когда из клюва твари еще свисали внутренности жертвы.

Внезапно он понял всю абсурдность своего поведения: он неверно отреагировал на обстановку и должен был как можно быстрее взять себя в руки. Зачем стрелять в этих хищных птиц? В лучшем случае, он убьет несколько штук, а остальные подождут, пока он проедет дальше, а потом вернуться и продолжат свое грязное дело. Ведь те из них, кого отогнал первый выстрел, отлетели в сторону и спокойно ждали его ухода. К тому же, он напрасно тратил патроны, а их ему может не хватить, так как неизвестно, сколько продлится его путешествие.

Порывом ветра до него донесло ужасающую вонь разложения. Будь у него полный желудок, его непременно вывернуло бы наизнанку. Хорошо, что в последнее время он почти совсем ничего не ел. Чувство голода больше не мучило его, и Джаг ограничивался небольшим куском сушеного мяса, который он долго пережевывал и механически глотал становившийся безвкусным комок клетчатки.

В последнее время он ставил ловушки или охотился только для того, чтобы накормить своего спутника, Энджела, мальчика лет пяти или шести. Джаг не знал точной даты рождения ребенка. Он взял его с собой после падения Палисады, крепости, в которой обитали каннибалы из страшного Костяного Племена. Им удалось остановить "кочующую империю" – поезд Супроктора Галаксиуса, но фортуна повернулась лицом к Джагу и его соратникам, и каннибалы были разбиты.

В жестокой бойне Джагу удалось, рискуя жизнью, обеспечить перевес людям Галаксиуса. Правда, эта победа была для него горше поражения: хотя он и сумел избавиться от Шагреневой Кожи – ошейника, с помощью которого Галаксиус управлял его поступками и держал в своей власти. Джаг потерял Мониду – женщину, которую любил. После этого у Джага пропал всякий интерес к жизни, и он, как человек, лишившийся цели, решил пойти куда глаза глядят, порвав все отношения с теми, кто был рядом с ним.

Правда, в последний момент он все же взял с собой Энджела, ребенка, за которым ухаживала Монида. Энджел не был ей ни сыном, ни родственником. Мать его умерла при родах, и Монида заботилась о нем по доброте души.

Если уж быть честным до конца, то лучше бы случилось наоборот: пусть бы мать осталась жива, а ребенок умер.

Ребенок...

Однажды, заведя о нем разговор, Кавендиш, служивший у Галаксиуса разведчиком, назвал мальчика "ошибкой природы".

В тот момент Джаг не сдержался и ударил своего собеседника. Сделал он это скорее всего импульсивно, потому что в глубине души понимал правоту разведчика. Просто не всякую правду приятно слушать...

Энджел и в самом деле был ошибкой природы. При первом взгляде на ребенка поражали размеры его головы. Она казалась огромной из-за того, что его высокий, выпуклый лоб переходил прямо в щеки. У Энджела не было ни глаз, ни бровей, ни ресниц. Его лоб был гладким, как ладонь, и напоминал глухой фасад здания без окон.

Вместо ушей у него имелись два отверстия, окруженные выпуклыми кожистыми валиками, крохотный носик торчал на лице, как странный нарост, а совершенно нормальный рот с красиво очерченными губами выглядел абсолютно неуместным на том, что едва ли можно было назвать человеческим лицом.

Однако на этом аномалии у ребенка не кончались: у Энджела отсутствовали руки, а длинные, тонкие ножки походили на палки, обтянутые кожей, и не держали тельце ребенка. Из-за того, что на его спине, на месте лопаток, торчали два горба, Энджел сильно сутулился, хотя старался держаться прямо и все время вертел головой по сторонам, словно пытаясь познать мир, который мог воспринимать только на слух.

Ошибка природы...

Так казалось на первый взгляд. Так подумал и сам Джаг, когда в первый раз увидел ребенка на руках Монида. Однако в действительности все оказалось куда сложнее: дело в том, что Энджел видел! Разумеется, он не различал цветов, но вполне мог определить расположение предметов в пространстве. Однажды ночью он первым заметил Джага, хотя тот был довольно далеко и, к тому же, прятался. Когда он уходил из Палисады, произошло то же самое: ребенок поворачивал голову, словно следил за Джагом, и улыбнулся ему, когда тот подошел к мальчику, чтобы взять его с собой.

Ошибка природы? В этом еще следовало разобраться...

Из головы у Джага никак не шла история, связанная с перемещением в пространстве. Однажды он принял довольно сильный наркотик Дакара – порошок, приготовленный из красной ящерицы с Холмов Лейбница. Обычно его принимают, чтобы подавить неосознанное чувство тоски и тревоги. Джаг же воспользовался дакара, чтобы покинуть свое тело, превратиться в дух – нематериальную субстанцию. Раньше он никогда не пользовался порошком и не знал, что ему свойственна повышенная чувствительность к Дакара. Втянув порошок в себя, он добился отделения сознания от своей телесной оболочки и немедленно воспользовался этим, чтобы проникнуть в запретный вагон, где находилась электроника, управляющая Шагренево Кожей. Но Джаг не справился с вновь обретенными чудесными способностями и вместо того, чтобы вернуться в свое тело, почувствовал вдруг, как его увлекает все дальше и дальше от поезда. Небеса притягивали его к себе, словно магнит, и ему грозила страшная участь: раствориться в эфире и стать вечным странником. Но в критический момент, совершенно неожиданно для себя, Джаг услышал голос Энджела. Ребенок сначала успокоил его, а потом привел обратно к поезду и помог бесплотному духу обрести свое тело.

С тех пор Джаг часто думал, уж не приснилось ли ему все это – до такой степени безумным и нереальным казалось происшедшее с ним.

Он много раз пытался разговаривать ребенка, но с момента, как они уехали из Палисады, Энджел не издал ни одного звука. Джаг часами разговаривал с мальчиком, пытаясь расположить его к себе, расспрашивал его порой грубо, почти жестоко, но без всякого результата: мальчик так и не открыл рта. Джаг даже подумал, что ребенок глухонемой, однако, он был уверен, что видел, как Энджел разговаривал с Монидой. Да и у него самого в ушах все еще звучал голос ребенка – Джаг помнил, как тот успокаивал его, когда они оба общались на уровне сознания.

Устав от бесполезных попыток установить контакт с малышом, Джаг принял единственно верное решение – считать мальчика молчуном и скупцом на слова. В конце концов, так было даже лучше, потому что дети ужасно болтливы. Джаг прекрасно помнил, что он сам в детстве был очень разговорчив и просто засыпал беднягу Патча вопросами.

Прежде чем двинуться дальше по долине, кишевшей пирующими стервятниками, Джаг взглянул на мальчика. Тот отдыхал, сидя в сетке из вожжей и поводьев, которую Джаг сплел для того, чтобы подвешивать ребенка у себя на груди и путешествовать без помех.

На каждой остановке Джаг подвешивал сетку с Энджелом на луку седла, и ребенок удобно висел на боку Зака, спокойно дожидаясь, пока спутник приготовит бивуак и, наконец, достанет его из сетки и посадит ближе к огню.

Глаз у ребенка не было, и внешне определить, спит он или бодрствует, поначалу показалось Джагу очень сложной проблемой, но вскоре он мог уже точно сказать это, прислушиваясь к дыханию мальчика. К тому же, заснув, Энджел не держал голову прямо, а ронял ее на плечо.

Сейчас малыш бодрствовал. Тошнотворный запах разложения, должно быть, встревожил его и держал в напряжении.

Джаг двинулся дальше, проходя между трупами. Вонь стала совершенно невыносимой.

Потревоженные им стервятники лениво отскакивали в сторону, слегка распутив свои огромные крылья. Настороженно поглядывая по сторонам, Джаг убедился, что здесь кормятся не только одни стервятники: вокруг роились тучи больших черно-синих мух, а по земле ползали полчища муравьев-легионеров, мощные челюсти которых позволяли им за несколько часов "очистить" скелет целой лошади.

Джаг старательно обходил их тропы: ему говорили, что эти проклятые муравьи при укусе выделяют яд, который сначала замедляет двигательные рефлексy жертвы, а потом приводит к полному параличу.

Внимательно глядя себе под ноги, он обошел бойню, нигде не задерживаясь. Ничего нового ему не удалось узнать: все покойники похожи один на другого, особенно, когда они уже не первой свежести. Трупы мужчин, женщин и детей лежали вперемешку. Различить их можно было разве что по одежде или длине волос. Во всем остальном они выглядели одинаково: почерневшая, полуразложившаяся плоть, в которой копошились толстые полупрозрачные гусеницы. Повсюду валялись отрубленные руки, ноги, головы, за обладание которыми не на жизнь, а на смерть сражались стаи мелких грызунов и насекомых.

Куда ни кинь взгляд, землю устилали трупы с вспоротыми животами, отрубленными головами, черепами, проломленными ударом дубины или разрубленными топором.

Джаг внимательно осмотрелся – эта долина, зажата между склонами гор, представляла собой неплохое место для засады. Однако здесь можно было организовать и хорошую оборону: разделившись на две группы и взяв под защиту женщин и детей, мужчины имели прекрасную возможность успешно отбивать атаки или, по крайней мере, оказать серьезное сопротивление. Но, судя по печальной картине, открывавшейся его глазам, тут никто и не думал защищаться. Скорее всего, людьми овладела паника, они сбились в кучу и лишь облегчили задачу нападавшим.

Джаг вполголоса выругался. Какими нужно быть дураками, чтобы безропотно дать изрезать себя на куски?

Он чертыхнулся еще раз, но теперь уже досадуя на себя самого: стреляя в стервятников, он действовал необдуманно – грохот выстрелов выдавал его присутствие промышленным здесь грабителям. Конечно, он представлял собой не ахти какую ценную добычу, но тот, кто замахнулся на большее, вполне может довольствоваться и малым. Разумеется, без боя он не сдастся, но ему придется уступить превосходящим силам противника, а судя по разложившимся останкам, нападавших было немало.

Джаг решил, что ему не следует задерживаться в этих краях, и подошел к лошади. Первым делом он перезарядил винчестер, то и дело поглядывая на склоны близких гор. Затем, больше по привычке, чем по необходимости – ведь пока еще было не очень жарко, – он смочил губы Зака мокрой тряпкой и напился сам. Энджел не захотел пить, хотя Джаг и поднес горлышко фляги к его губам.

Джаг в последний раз обвел взглядом место бойни и, закрепив на груди сетку, оплетавшую ребенка, вскочил в седло.

Он сразу же пустил Зака в галоп. Располагая конем и оружием, – а именно это чаще всего и привлекает грабителей, – не стоило лишний раз испытывать судьбу.

Глава 2

Цокая языком, Джаг подбадривал коня, которому приходилось взбираться по крутой каменистой тропе. По таким кручам с трудом пробираются даже горные козы, хотя они по праву считаются признанными скалолазами.

Правда, на сей раз тропа оказалась слишком крутой. Карабкаться по ней – все равно, что взбираться на стену!

Джаг сам выбрал этот путь по гребням гор, вместо того, чтобы ехать по темным и холодным ущельям, где на каждом шагу могла подстергать засада.

Перед его глазами все еще стояла картина страшной бойни: мужчины, женщины и дети были убиты без всякой цели, просто по чьей-то прихоти. Устилавшие землю трупы – вот все, что осталось от каравана пионеров. Джагу совсем не хотелось пополнить число жертв неизвестных убийц, поэтому он предпочел пусть трудную, но относительно безопасную дорогу.

То и дело из-под копыт коня срывались камни, и тогда Зак, испуганно заржав, начинал нервно перебирать ногами в поисках надежной опоры.

Однако им управляла твердая рука опытного наездника, и Зак, успокоившись, без усталости шел вперед.

Постепенно склон становился все более пологим и подниматься стало легче.

По мере продвижения, окружающий воздух становился плотнее и тяжелее. У Джага возникло ощущение, будто они попали в жарко натопленную баню. Стояла такая невыносимая духота, что с него ручьями потек пот. Даже конь мгновенно вспотел, и только у мальчика кожа оставалась по-прежнему сухой и свежей.

– У тебя все не как у людей, – буркнул Джаг, обнаружив это новое отклонение от нормы. – До сих пор не могу понять, как ты устроен...

Окружающий пейзаж внезапно изменился: вместо покрытых лишайниками камней, впереди раскинулась поросшая вереском равнина. Насколько хватало взгляда просматривались поросшие мхом холмы. То там то сям виднелись высокие вересковые деревья. Их перекрученные ветви покрывала бахрома темной зелени, поэтому они издали напоминали ели.

Оставив позади холмистую равнину, Джаг углубился в заросли древовидных папоротников и дикорастущих фруктовых деревьев, перевитых зелеными и желтыми лианами, которые Джаг поначалу принял за огромных змей.

Скоро папоротники уступили место бамбуковой роще, и Джагу пришлось спешиться, чтобы прорубать себе дорогу с помощью мачете. Стволы бамбука смыкались высоко над головой, образуя почти сплошной зеленый свод, под сенью которого царили вечные сумерки.

Тропой, должно быть, уже давно не пользовались. Если она еще местами виднелась на мшистых участках, то здесь заросли бамбука скрыли ее полностью, и Джагу пришлось почти у самой земли рубить молодые побеги. Бамбук вырастает почти на метр в день, может вырасти метров на тридцать в течение двух месяцев, по этой причине трудно было бы сказать, когда последний раз люди проходили этим путем.

Джаг остервенелю махал мачете и уже не чувствовал рук, когда бамбуковая роща, наконец, закончилась. С нескрываемым облегчением он вздохнул, вытирая со лба пот.

Однако радоваться было рано – перед ним простиралась мрачная болотистая равнина, над которой клубился густой туман, скрывавший небо. У Джага даже возникло ощущение, что он движется в каком-то огромном коконе.

В колеблющемся от движения коня тумане то тут, то там возникали призрачные тени. Временами на пути попадались поваленные деревья, покрытые зеленовато-оранжевым мхом, тонкие, словно древко копья, лобелии или шероховатые стволы древовидного крестовника, которые в белесой мгле можно было принять за часовых, охранявших мрачное болото.

Зак осторожно ставил ноги между частыми кочками, заросшими осокой, громко фыркал, и из его ноздрей шел пар.

От холода Джаг покрылся гусиной кожей, а конца болоту все еще не было видно. Чтобы окончательно не замерзнуть, он накинул на плечи руп – застегивающийся на груди плащ из плотной ткани, который он выменял несколько дней назад у пастухов-кочевников на полдюжины пикасов. Пикасы – заросшие густым мехом зверьки, похожие на кроликов, – весьма ценились любителями нежного мяса.

Джаг хотел укрыть и Энджела, но обнаружив, что тельце ребенка очень теплое, почти горячее, ворчливо произнес:

– Не надо было с тобой связываться. Я смотрю, ты и сам неплохо со всем справляешься! Только не вздумай заговорить со мной!

Чуть дальше в тумане появились разрывы, сквозь которые, словно светящиеся стрелы, впивались в болото солнечные лучи.

Наконец туман рассеялся, и Джаг выехал на залитую солнцем каменистую долину, покрытую коричневым мхом и черным лишайником.

Джаг решил немного передохнуть. В голубом небе не было ни одного облака, он снял плащ и, довольный тем, что ему удалось выбраться из мрачного болота, напился воды. Джаг опять предложил Энджелу попить, но мальчик вновь отказался, и тогда Джаг решил не обращать на него внимания. Он взял Зака за повод и спокойно повел к небольшому горному озеру, гладь которого сверкала в отдалении, словно зеркало. С покрытых вечными снегами вершин в озеро лениво сбегали ручьи.

Пока конь пил, Джаг внимательно осмотрелся. Это место ему понравилось, к тому же, казалось маловероятным, чтобы кто-то мог устроить здесь засаду, надеясь подстеречь случайных путников. Конечно, пришлось проделать длинный и трудный путь, но ведь дорога была безопасной, а для Джага время не играло большой роли. Если уж ты решил идти куда глаза глядят, то два лишних часа для тебя ничего не должны значить. Лучше потерять пару часов, если это снижает риск нарваться на неприятности. Конечно, будь Джаг один, он ни за что не пошел бы в обход, но теперь он отвечал за ребенка, хотя Энджел, похоже, вообще не испытывал к нему никаких чувств.

Солнце было уже высоко, и Джаг решил немного подкрепиться и накормить Энджела. Джаг нарезал сушеное мясо белки, смешал его с пригоршней орехов и начал кормить мальчика, пользуясь лезвием ножа, словно ложкой. Вскоре Джаг заметил, что Энджел нервничает: он непрерывно вертел головой. Это быстро надоело Джагу:

– Давай, давай! Сейчас ты разрежешь себе рот от уха до уха. Вот тогда ты, может быть, заговоришь, потому что у слов будет больше места и им будет легче вырваться из тебя. Правда, может, ты считаешь меня недостойным собеседником?

Ребенок, по традиции, молчал, и Джаг, который уже привык к такому поведению мальчика, быстро вымыл посуду. Сам он не очень-то сильно хотел есть, да и поведение Энджела перебило ему аппетит.

Они поехали дальше, перебрались через яркую долину, где росли пурпурная гречавка, лютики, низкорослый львинохвостый мак, лавровые деревья, анафалисы и сольданеллы.

Постепенно долина стала совсем ровной, и каменистая почва сменилась потрескавшейся красной землей, на которой ничего не росло. Это место было похоже на настоящую пустыню, и у Джага возникло ощущение, будто он попал в пекло.

Постепенно начался спуск, и твердая земля сменилась песком. Становилось все жарче, и над почвой, изменяя контуры предметов, появилось и задрожало марево.

Впервые, как они уехали из Палисады, солнце жгло так сильно, что Джаг даже пожалел, что у него нет шляпы. Его густые и довольно длинные волосы укрывали голову и затылок, но он вполне мог и перегреться, и, к тому же, теперь с ним был Энджел.

Взглянув на ребенка, висящего у него на груди, Джаг увидел, что тот очень возбужден и начинает сильно нервничать. Мальчик непрерывно крутил головой из стороны в сторону, словно пытаясь понять или осмотреть что-то, хотя у него и не было глаз. Кожа Энджела посинела, стала тусклой, мертвенно-бледной и покрылась мелкими прыщами.

Джаг уже начал беспокоиться, обнаружив эти новые отклонения от нормы в поведении мальчика, но окружающая их местность быстро отвлекла его внимание от ребенка.

Сейчас конь и два всадника оказались на огромном плато, опоясанном обрывистыми скалистыми горами.

По всему плато были вертикально расставлены странные продолговатые камни, покрытые голубоватым мхом.

Джаг ни разу в жизни не видел ничего подобного. Да и старина Патч, который немало попутешествовал по белу свету, никогда не рассказывал ни о чем похожем.

Зачарованный необычным зрелищем, Джаг спешился, подвесил Энджела к луке седла и подошел к странным камням.

Он обошел вокруг одного из гигантских монолитов, отошел подальше, чтобы окинуть взглядом как можно больше камней, и задал себе вопрос, зачем их здесь расставили?

Первое впечатление оказалось верным: эти огромные каменные зубы появились тут не сами по себе. Джаг покопал под ними песок и убедился, что у них нет никакой опоры. Было похоже, что камни заранее кто-то обтесал и вертикально расставил по какой-то схеме, образовав геометрический узор, хотя Джаг никак не мог понять, что за узор получился.

Он поднес руку к голубоватому мху, росшему на монолитах, и мгновенно одернул ее, словно обжегся.

Мох был живой!

От легкого касания мох сжался, как это делают моллюски, а на камне осталась тонкая пленка мелкой сиреневой пыли.

Джаг из любопытства набрал немного этого вещества в ладонь. За исключением цвета, оно очень напоминало дакару.

Он опять повторил свое движение. Всякий раз, как он прикасался ко мху, тот сокращался, словно движущиеся рожки слизняков, оставляя на камне несколько граммов сиреневого песка.

Джаг недовольно нахмурился: прямо на его глазах происходили совершенно необъяснимые вещи. Он переходил от камня к камню, повторяя свои действия, и каждый раз получал тот же результат.

В конце концов, Джагу это надоело и он уже решил было оставить бессмысленное и бесполезное занятие, но вдруг услышал знакомый звук, от которого замер на месте. Это был звук трещотки, и Джаг тут же заозирался, пытаясь взглядом отыскать змею. Однако звук изменился, превратившись в резкий, почти непереносимый свист.

Чтобы не оглохнуть, Джаг поспешно зажал уши руками, как вдруг понял, что оглушительный этот звук издает Энджел.

Ребенок откинул голову назад, широко раскрыл рот и, неподвижно застыв в сетке, издавал этот жуткий непереносимый свист.

В три прыжка Джаг оказался рядом с мальчиком.

– Остановись! – закричал он. – Хватит! Что с тобой? Ты хочешь меня оглушить?

Ребенок прекратил свистеть, но его голова по-прежнему осталась откинута назад.

– Да что же с тобой? Тебе плохо? У тебя что-то болит?

Мальчик молчал, и Джаг, потеряв терпение, схватил его за плечи и начал трясти.

– Я знаю, что ты умеешь разговаривать, так как сам слышал это! Объясни, в чем дело! Скажи хоть что-нибудь!

Внезапно ему стало стыдно за себя: уродливая голова ребенка раскачивалась из стороны в сторону на тоненькой шейке. А ведь именно Джаг теперь отвечал за жизнь Энджела! Должно быть, всему виной жаркое солнце и странная загадочная атмосфера, пронизывающая это плато.

– Поедем дальше! – резко сказал он.

– Они уезжают, – вдруг произнес неизвестно откуда раздавшийся голос, прекрасно передавая интонацию Джага.

Джаг вздрогнул, словно его ударило током, выхватил кинжал и широко расставил ноги. Он мгновенно приготовился к схватке. Его опыт наглядно доказывал: если хочешь выжить, будь готов защитить себя. Это была единственная возможность хоть как-то продлить свою жизнь в этом новом диком измерении.

На этот раз опасности в непосредственной близости не было: лишь далеко справа, на самом гребне кручи Джаг разглядел двух странных существ.

Наклонившись вперед, они замерли под углом 45 градусов к земле, опираясь на скалы длинными, покрытыми густой шерстью руками с огромными мускулами. На Джага они смотрели довольно мирно.

Потом, продолжая опираться на руки и почти не отрывая ног от земли, эти два существа стали медленно спускаться. Прищурившись, Джаг внимательно разглядывал их.

Сразу бросался в глаза контраст между их лицами розового цвета, без малейших признаков растительности, и телом, покрытым густой длинной рыжей шерстью.

Внезапно на Джага нахлынули воспоминания: в детстве ему приходилось проезжать по великолепным густым зеленым лесам. Там по ветвям деревьев прыгали, оглашая воздух криками, маленькие обезьянки. Если не принимать во внимание огромные размеры двух странных существ, то они, как две капли воды, походили на обезьян!

Правда, на этом изолированном плато не было почти никакой растительности, и эти два существа совсем не кричали. Но Джагу почему-то показалось, что между собой они разговаривают.

Он пытался понять, откуда здесь взялись эти пришельцы. На плато можно было попасть лишь двумя путями: спустившись с гор (по этой дороге Джаг и сам сюда пришел), и – через долину, которую все еще скрывали облака тумана. Однако Джаг был готов поспорить, что эти загадочные существа пробрались сюда по какому-то третьему, только им известному пути. В обоих других вариантах Джаг давно заметил бы пришельцев, так как их рыжая шерсть издали бросалась в глаза. Неужели же они преодолели головокружительные обрывистые склоны?!

Приученный к осторожности и всяческим неожиданностям, Джаг, не спуская глаз с пришельцев, поудобнее перехватил рукоятку кинжала.

Глава 3

Большие обезьяны медленно подходили к нему.

Они остановились метрах в шести, и Джаг получил возможность рассмотреть их получше. У существ были удивительно короткие ноги и огромные, непропорционально развитые грудные клетки и руки. Обе обезьяны оказались самцами и их большие половые органы почти волочились по земле.

– Они уезжают, – вдруг сказала стоящая справа обезьяна, – ты точно слышал, что он так сказал?

– Конечно, слышал, – ответила вторая, – именно это он и произнес.

– Ну и что ты об этом думаешь?

– Он ничего не понял и мы должны объяснить ему.

– Я не уверен, что у нас получится. Уж больно у него тупой вид.

– Он, к тому же, еще и злой! Сам видишь, что у него в руке.

– Ну это только для того, чтобы попугать нас, и все.

– Ну и как, ты боишься?

– Не больше, чем ты! А вот он – боится, и я думаю, что у него на это есть основания.

Джаг смотрел на них и ему казалось, что он видит какой-то страшный сон. Обезьяны спокойно переговаривались друг с другом! Но, ко всему прочему, они, похоже, ничуть не боялись Джага, словно перед ними стоял не воин, вооруженный кинжалом, а беспомощный ребенок с игрушкой в руках. От их неторопливого диалога явно исходила какая-то угроза для Джага.

Джагом овладела сильная тревога. Нельзя сказать, что он испугался, но, попав в непривычную для себя и довольно странную ситуацию, Джаг чувствовал себя явно не в своей тарелке.

Он старался казаться спокойным, но в его голове уже созрел план отступления; ему нужна лишь секунда, чтобы вскочить в седло. Зак с места пустится вскачь и они сумеют оторваться от преследователей. Конечно, у него не будет времени, чтобы закрепить ребенка у себя на груди, но это можно сделать и позже, когда они окажутся на более безопасном расстоянии.

– Он, действительно, хочет уехать, – вдруг сказала первая обезьяна.

– Наверное, мы ему очень не понравились.

– Так что будем делать? Позволим ему ускакать?

– Дадим ему возможность попробовать!

Джаг решил включиться в разговор и спросил:

– Кто вы и что вам нужно?

– Кто вы? Что вам нужно? – хором повторили две обезьяны.

В душе Джага беспокойство сменилось яростью: теперь он ненавидел этих обезьян с их красными рожами, похожими на унылые маски.

– Я уезжаю! – резко бросил он.

Не сводя глаз с этих странных существ, Джаг спокойно сел в седло и левой рукой прижал к груди тельце ребенка.

Он повторил еще раз:

– Я уезжаю!

Затем ударил пятками по бокам коня, и тот сразу же рванулся вперед.

Оба примата не двинулись с места. Джаг отъехал от них на приличное расстояние и уже было подумал, что эту странную встречу можно отнести к разряду воспоминаний, как вдруг обе обезьяны, заулюлюкав, бросились вдогонку. Джаг понял, что все еще только начинается.

Быстро отталкиваясь руками от земли, приматы, делая огромные прыжки, передвигались с немыслимой скоростью.

Они почти мгновенно настигли всадника!

Один самец схватил Зака за хвост; и конь заржал от испуга, а второй бросился вперед, чтобы перекрыть дорогу, ведущую в долину.

Обезумев от боли, конь встал на дыбы, и Джаг, чуть не вылетев из седла, все же успел в последний момент ухватиться за гриву. Энджела пришлось выпустить, и ребенок упал на землю.

Обезьяна, державшая коня за хвост, забавы ради звонко хлопала Зака по крупу и ловко уворачивалась от ударов копыт, перепрыгивая с места на место.

Второй примат, забежавший вперед, подскакивал и улюлюкал. Его прыжки и ужимки являлись, видимо, признаками бурного проявления радости.

Зак неистово взбрыкивал и совсем не слушался команд Джага, который делал все, чтобы конь случайно не наступил на лежащего на земле ребенка.

После одного из своих прыжков, обезьяна неосторожно приблизилась к Джагу, оказавшись справа от него. Он мгновенно притянул к себе ее голову, захватив ногой за шею, и резко ударил кинжалом в глаз.

Неугомонная злобная тварь была убита на месте и умерла, еще не успев упасть на землю.

Второй примат, громко закричав, одним мощным прыжком преодолел метров десять и сильным ударом руки выбил Джага из седла.

Рухнув на землю и подняв тучу пыли, Джаг быстро кувыркнулся через голову, вскочил на ноги и хотел выхватить винчестер, но обезьяна, резко оттолкнув его, схватила винтовку и, без всяких усилий согнув ствол пополам, отшвырнула далеко прочь.

Джаг был обезоружен и ему оставалось лишь одно – вновь попробовать воспользоваться своим кинжалом, который сейчас торчал из глаза валявшегося в пыли примата. Подскочив к нему, Джаг крепко сжал рукоять, резко дернул и тут же отшатнулся от хлынувшего потока крови вперемежку с частичками мозгового вещества.

Быстро повернувшись к противнику, Джаг вдруг почувствовал, как у него похолодело в груди.

– Нет! Не надо! – выдохнул он.

Примат держал на руках ребенка! Положив его на сгиб локтя, обезьяна с любопытством таращилась на Энджела своими черными круглыми глазами. Словно загипнотизированный необычайным лицом мальчика, самец, казалось, забыл обо всем, что происходило вокруг.

– Брось его! – закричал Джаг.

Будто очнувшись, обезьяна подняла голову:

– Сам брось его! – с ухмылкой произнес самец, указав подбородком на кинжал.

На мгновение задумавшись, Джаг решил подчиниться.

– Ладно, – сердито буркнул он и отшвырнул кинжал. – Разберемся вдвоем, без оружия!

Примат торжествующе заулюлюкал, отбросил ребенка в сторону и запрыгал на месте, подняв облако пыли.

Не двигаясь с места, Джаг задавался массой вопросов. Прежде всего, как чувствует себя Энджел? Он сильно ударился, когда упал с коня, и, может быть, конь даже наступил на него. А теперь еще и обезьяна отбросила его, как тряпичную куклу...

Джаг подумал, что его шансы победить в схватке с приматом весьма незначительны. Если судить по огромной силе и скорости реакции противника, то он почти обречен. Достаточно вспомнить, как легко, словно бамбуковая папка, был согнут ствол винчестера. Значит, Джагу нельзя допускать ни малейшего промаха. Ему нужно было уходить от ударов и захватов, выжидая удобного момента, чтобы нанести решающий удар самому. Кроме того, Джаг совершенно не знал о том, как его противник "держит" удар.

Внезапно примат бросился на Джага. С перекошенной ярко-красной рожей он подскочил к человеку, и Джаг, увернувшись в самый последний момент, изо всей силы нанес удар кулаком в брюхо.

Удар был очень силен, и Джагу на мгновение показалось, что его кулак натолкнулся на гранитную стену. Сильная боль пронзила руку до плеча, перед глазами поплыли огненные круги, и ему пришлось сжать зубы, чтобы не закричать.

Обезьяна, по-прежнему улюлюкая, стояла в нескольких метрах и с любопытством смотрела на Джага. Видимо, удар не причинил ей никакого вреда.

– Разберемся вдвоем, – ухмыльнулся примат и опять принялся подпрыгивать.

Джаг был в отчаянии: он ударил так, как никогда еще не бил, а все, чего он добился, – серьезно повредил свою руку. Она посинела и прямо на глазах стала быстро опухать. Теперь малейшее движение рукой причиняло Джагу невыносимые страдания, а схватка еще только началась. Если дела и дальше так пойдут, противник легко с ним расправится.

На секунду какой-то шум отвлек Джага от мрачных мыслей: его конь, испугавшись, рванулся и понесся к вершинам гор. Джаг выругался, потому что теперь его шансы на победу стали еще меньше. В седельных сумках лежал тесак, которым можно было бы воспользоваться, ведь в сложившихся обстоятельствах Джагу позволялось играть без правил: рука болела все сильнее, а значит, он стал слишком легкой добычей.

Джаг огляделся в поисках кинжала и увидел его слева сзади от себя. Он нагнулся за оружием, но в этот момент примат бросился на него.

Глава 4

Джаг метнулся в сторону и, упав на землю, ловко перекатился через голову, чтобы избежать столкновения с противником. В следующее мгновение, готовый к самому худшему, он пружинисто вскочил на ноги.

Но примат бросился вовсе не к нему: схватив кинжал, он отбросил его далеко в сторону. Когда самец повернулся, его морда почернела, приобретя цвет запекшейся крови, щеки раздулись, а выдвинутые вперед челюсти хищно разомкнулись, обнажив огромные зубы, которые клацали, словно волчьи клыки.

Джаг почувствовал, как им овладевает паника. На сей раз ему не удастся победить. Видимо, его путь закончится здесь, на этом выжженном солнцем плато, где в беспорядке представлены странные камни.

Он внимательно смотрел на противника, пытаясь найти хоть одну уязвимую точку в этой горе мышц.

Он нашел ее как раз в тот момент, когда противник бросился в атаку, размахивая огромными ручищами, словно двумя гигантскими цепями.

Джаг весь напрягся и внимательно следил за приматом. В последнее мгновение он нырнул в сторону, едва избежав смертельного удара. Очутившись за спиной проскочившего мимо самца, Джаг прыгнул, схватил левой рукой его член и сильно рванул вниз.

Потерявший равновесие примат упал навзничь, взметнув тучу пыли. Не успел противник прийти в себя, как Джаг уже взгромоздился на него и, преодолевая боль в правой руке, словно тисками сжал мошонку примата.

Обезумев от боли, примат захлопал руками по земле, как стучат по ковру борцы, когда хотят показать, что они сдаются.

Не обращая внимания на острую боль, пронизывающую всю руку, Джаг продолжал сжимать кулак. Вдруг он почувствовал, как под его железными пальцами нежная ткань мошонки лопнула, словно перезрелый плод.

Противник был невероятно силен, и Джаг отлично понимал, что добился лишь временного преимущества. Поэтому он мгновенно вскочил на ноги, схватил обезьяну за загривок и, рывком приподняв ее, бросился к ближайшей скале.

От удара о камень, губы животного разбились и зубы вылетели.

Обезумев от жестокости и боли, Джаг бил головой примата о скалу, словно хотел раскрошить эту глыбу. Странный голубоватый мох на скале всякий раз сжимался.

Наконец, Джаг решил нанести последний удар: крепко сжатым кулаком здоровой левой руки он изо всех сил резал по затылку обезьяны. Примат тяжело рухнул на землю и, застонав, остался неподвижно лежать.

Тяжело дыша и все еще удивляясь, что ему удалось одолеть такого сильного противника, Джаг решил хоть немного передохнуть.

Сотрясаемое конвульсиями тело примата лежало на земле. Обезьяна слабо стонала, и песок вокруг ее головы медленно пропитывался кровью. Джагу на секунду показалось, что животное может опять вскочить и броситься в бой: сам факт, что примат был еще жив после того, что с ним случилось, свидетельствовал о необычайной выносливости его организма. От такого противника можно было ожидать любого сюрприза.

Посматривая на обезьяну, Джаг подошел к Энджелу: обернутый в свой кокон из ремней, ребенок, скрючившись, лежал на боку, а его худенькая грудь вздымалась от неровного с присвистом дыхания. Кожа мальчика была синеватой и холодной.

Джаг осторожно поднял ребенка и осмотрел его. Он искал большой синяк или какую-нибудь рану, но ничего не обнаружил и расстроился еще больше. Естественно, Джаг не имел

ни малейшего понятия о химических процессах, управляющих существованием организма, но догадывался, что смерть может наступить и от внутреннего кровоизлияния.

Огорченный тем, что произошло, он прижал ребенка к себе и внимательно осмотрелся. Он был совершенно один на затерянном в горах выжженном солнцем плато, без коня, без еды, на руках с ребенком, о здоровье которого ему было трудно судить, потому что мальчик не разговаривал, а отсутствие глаз на его лице не позволяло ни о чем догадаться.

– Энджел, ты не должен умереть, – тихо сказал Джаг.

Им овладело состояние полнейшей апатии и безысходности, но в тот же миг его правая рука напомнила о себе: на мгновение забытая боль вернулась вновь. Каждый прилив крови от удара сердца вызывал острую ломоту в руке.

Закусив губу, чтобы не закричать, Джаг попытался подвести итоги. Его дела были далеко не блестящи: конь ускакал и сам никогда не вернется. Трудно было даже предположить, сколько он проскачет, пока остановится... если вообще остановится, ведь Джагу приходилось видеть напуганных лошадей, которые бежали до тех пор, пока у них не останавливалось сердце.

Во всяком случае, возвращаться не имело смысла. С тех пор, как Джаг уехал из Палисады, он не встретил ни одного города или деревни. На его пути лишь изредка попадались хижины, построенные в труднодоступных пустынных местах. Значит, нужно двигаться вперед, пройти сквозь туман и спуститься в долину. Возможно, там окажется какой-нибудь город, где есть медикастры.

Джаг попытался стряхнуть с себя усталость: нужно немедленно двигаться дальше. Ушибленная рука могла подождать, а вот ребенок – нет.

Осознав во всей полноте сложность ситуации, в которой оказался, Джаг понял, почему некоторые люди, хотя они и очень любят свободу, предпочитают попасть под командование Властелина или идут служить в армию: одиночкам трудно выжить в этом мире!

Волна гнева охватила его – нет, никогда он не будет принадлежать к расе послушных! Он никому не позволит решать свою судьбу, какой бы она ни была! Он сам будет ее хозяином и сам будет планировать свое будущее!

Ведь он поклялся никогда больше не быть ничьим рабом!

Прежняя энергия вернулась к Джагу, и он решил продолжить путь, оставив ненужные размышления. Джаг подобрал свой кинжал, очистил лезвие, воткнув его несколько раз в песок, а потом вложил в ножны, закрепленные на голенище сапога.

Склонившись над ребенком, он внезапно услышал чьи-то шаги. Может быть, вернулся Зак? Джаг захотел свистнуть и позвать коня, но из осторожности промолчал, схватил Энджела на руки и спрятался за первым же монолитом. Сердце бешено колотилось в его груди, и Джагу казалось, будто за целую милю вокруг слышно, как громко он дышит.

Джаг напряг слух и понял, что к нему приближаются две лошади. По стуку копыт он определил, что на одной из них едет всадник, а вторая свободна. Тогда он положил ребенка в тени за камнем, и, достав кинжал, поудобнее взял его в левую руку. Конечно, удары левой у него менее сильны и точны, но он во что бы то ни стало решил добыть себе коня. Теперь это был вопрос жизни или смерти.

Стараясь унять дыхание, Джаг, скрываясь за камнем, выглянул и бросил осторожный взгляд в сторону извилистой тропы, ведущей с гор.

Глава 5

Солнце светило прямо в глаза, поэтому Джаг почти ничего не разглядел. Пришлось ждать, когда обе лошади спустятся со склона и поедут по плато, – тогда, возможно, удастся хоть что-нибудь рассмотреть.

Наконец, на фоне ярких солнечных лучей, словно тень от китайского фонарика, появился силуэт всадника.

Всадник был в длинном плаще, похожем на пыльник, полы которого укрывали его сапоги, а высоко поднятый воротник закрывал затылок. Из-под широкополой шляпы виднелись пряди светлых волос, ниспадавших на плечи. Конем он управлял только с помощью ног, оставив руки свободными. В левой руке всадник держал уздечку запасной лошади, скакавшей в нескольких метрах позади него, а в правой сжимал карабин, приклад которого упирался в бедро.

Джаг обрадованно шагнул навстречу всаднику.

– Кавендиш! – хриплым от волнения голосом воскликнул он. – Никак не ожидал встретить вас здесь!

Всадник остановился, и мгновенно черный ствол карабина "Севедж" калибра 7,57 мм с телескопическим прицелом был наведен на Джага.

– Для начала, – произнес всадник, – меня нашел не ты, а, скорее, наоборот, ведь так? И скажи-ка мне, разве ты видишь мое лицо?

Джаг пристыженно опустил глаза: поля шляпы и яркие лучи солнца, действительно, не позволяли ему ясно различить, с кем он имеет дело.

– Нет, – слегка смутившись, ответил он. – Но я вижу ваш силуэт, лошадей, ваше оружие с оптическим прицелом и слышу ваш голос.

Его собеседник ухмыльнулся в ответ.

– Мой голос ты слышал позже! Когда я заговорил с тобой, ты уже вышел из укрытия.

– Ну и что?

– А то, что тебя мог убить любой человек, который украл бы мою лошадь, мой карабин и одел бы мою одежду.

– Чтобы одеть ваши шмотки, нужно вас убить, а чтобы убить вас, с вами пришлось бы побороться. После этого, думаю, вся ваша одежда будет изодрана в клочья.

– У тебя, как всегда, на все есть ответы, – буркнул Кавендиш, посылая ударом ног лошадь вперед.

Джаг с улыбкой смотрел, как он подъезжает. Кавендиш был здесь, рядом! Он появился как раз в тот момент, когда Джагу казалось, что уже все потеряно. И, ко всему прочему, Кавендиш привел с собой его коня.

– Когда я увидел твоего Зака, я даже глазам своим не поверил, – сказал разведчик, спрыгнув на землю. – Потом я подумал, что ты, должно быть, попал в беду, а может быть, и убит...

– Этого чуть было не случилось, вздохнув, сказал Джаг.

Он вложил кинжал в ножны и покосился на туго набитые седельные сумки, висящие по обеим сторонам крупы одномастной лошади его собеседника.

– На что ты так уставился? – спросил Кавендиш, прикуривая свою любимую тонкую сигару.

– Ну и нагрузились же вы!

Кавендиш похлопал по седельным сумкам, которые были набиты так, что казалось, вот-вот лопнут, и ответил:

– Это плата за мои услуги. Галаксиуса не было на месте, чтобы расплатиться со мной, и мне пришлось обслужить себя самому.

– Вижу, ваши услуги не всем по карману!

Разведчик пожал плечами.

– Не нужно судить по объему! В пуэнтах или в золотых монетах это было бы в десять раз меньше.

– А что же тогда в сумках?

– Водопроводная система "кочующей империи" – сифоны, трубки, краны – словом, все наиболее ценное. Вот почему мой груз занимает так много места.

Джаг улыбнулся, вспомнив, как он сам изумился, обнаружив, что все водопроводные трубы вагона сделаны из золота.

– Я взял, разумеется, только то, что мне причитается, – сказал Кавендиш.

– Никак не думал, что так скоро встречу с вами.

– Я тоже, поскольку предположил, что ты поедешь куда-нибудь на юг.

– Сначала я и хотел так сделать, но передумал. А что стало со всеми остальными?

Разведчик пожал плечами, показывая, что ему на это наплевать.

– Кто-то остался в Палисаде, кто-то из них опять пошел наниматься на службу, ведь у каждого свой путь! Ну а где же твой... компаньон по путешествию?

– Там, в тени, за камнем. Он плохо себя чувствует, потому что упал и сильно ударился. Мне нужно как можно быстрее показать его медикастру. Скажи-ка, есть ли какой-нибудь город в этой долине?

– Возможно, – уклончиво ответил разведчик. – Покажи-ка мне твою руку. Что с ней случилось?

– Я слишком сильно ударил одну из двух каких-то странных обезьян, которые мешали ехать мне дальше. Как раз в это время Зак и удрал от меня.

В глазах Кавендиша мелькнуло беспокойство.

– Ты сказал, обезьяны? Я их что-то не вижу.

Они подошли к первому примату, которого Джаг мгновенно убил кинжалом. Рыжая шкура обезьяны прекрасно сливалась с песком такого же цвета, а вот залитая кровью рожа и частички мозгового вещества были ясно различимы.

– Это Сумасшедшие с плато, – передернувшись, сказал разведчик. – Прекрасная работа, а где же второй?

– Вон там, чуть дальше. Я думаю, что он еще жив.

Кавендиш молча подошел к другому животному. Обезьяна жалобно стонала. Носком сапога он перевернул ее тело: из ран на почти черном лице с каждым ударом сердца лилась кровь. А остекленевшие глаза примата позволяли предсказать близкую смерть.

– Может быть, ему еще можно помочь? – сказал Джаг, нагнувшись над телом.

Кавендиш предостерегающе крикнул:

– Держись от него подальше! Даже в таком состоянии он может надвое перерезать тебя своими когтями!

– Какими это когтями?

– Они втягиваются, и ты не всегда можешь их видеть. Однако, поверь мне, они есть! У взрослых особей они иногда достигают размера твоей руки. А тебе просто повезло. Ты столкнулся с двумя молодыми самцами, а они еще не очень агрессивны.

– С молодыми?

– Да. Им бы еще расти и расти. По сути, это еще дети, и они, должно быть, играли где-нибудь, носились друг за другом, пока не увидели тебя. Они очень подвижные, как и все маленькие обезьяны.

Джаг почувствовал приступ тошноты.

– Дети? – совершенно расстроившись, переспросил он.

Он сразу вспомнил их прыжки и ужимки, то, как они повторяли все, что он говорил, подражая его голосу, и даже их не очень-то враждебные действия. Пожалуй, действительно, то, что он принял за агрессивность, было игрой. Значит, он убил двух детенышей!

– Надо сматываться отсюда, – сказал Кавендиш. – Если сюда придут их родители, то нам придется туго.

По телу Джага пробежала холодная дрожь: и вправду, если "дети" обладали такой силой, то какими же должны быть их родители?!

– Обычно Сумасшедшие появляются только вечером, в сумерках, потому что их глаза плохо переносят яркий свет.

– Почему "Сумасшедшие"?

Разведчик растерянно надул щеки.

– Откуда я знаю? Может, потому, что они и на самом деле ни секунды не могут усидеть на месте. Просто их так называют: "Сумасшедшие с плато". И все. Они охраняют порошок жизни, этерну, и работают на Владельцев Бессмертия.

Увидев недоверчивое лицо Джага, Кавендиш подошел к камню, протянул руку к голубому мху и заставил его сжаться. Джаг и сам уже видел это явление.

– Этот порошок дороже золота, – сказал Кавендиш, набрав сиреневой пыли в ладонь. – Его можно найти только на залитых солнцем горных плато, на скалах, обтесанных Сумасшедшими...

Он замолчал, сдул порошок с ладони, стряхнул пепел сигары и продолжил:

– Сумасшедшие собирают его для Владельцев Бессмертия.

– А зачем все это?

Разведчик на секунду задумался, потом тихо сказал:

– Ты все поймешь, когда мы спустимся в долину.

У Джага внезапно возникло непреодолимое желание немедленно двинуться в путь: Энджелу нужно было срочно оказать помощь, да и опухшую руку полезно было бы показать специалисту.

– Поедем скорее, – сказал он. – Мы и так потеряли много времени. Кстати, вы мне так и не ответили, есть ли там внизу, в долине, какой-нибудь город?

Кавендиш ухмыльнулся.

– Разумеется, есть, и я как раз туда еду.

– А там смогут вылечить Энджела и меня?

– Если и тебя, и его не вылечат там, то, значит, вас не вылечат нигде.

– Так чего мы ждем?

– Я не уеду отсюда, не набрав порошка этерны, – произнес разведчик. – Я за этим сюда и явился.

– Да ведь у вас есть золото, разве этого мало?

– В долине золото расходуют только для того, чтобы купить этот порошок, – обернувшись к коню, ответил Кавендиш. – Если ты так спешишь, поезжай вперед, а если нет, то помоги мне, чтобы мы тронулись в путь пораньше.

Из кармана одной из седельных сумок он достал полдюжины свиных мочевых пузырей и две металлические треугольные пластины. Не дожидаясь ответа, разведчик протянул Джагу металлический треугольник, два пузыря и сказал:

– Тебе нужно соскрести порошок со скалы и собирать его в пузырь. Сам понимаешь, что это совсем просто.

Спустя некоторое время разведчик закрепил набитые сиреневым порошком пузыри к передней луке седла, а тяжелые сумки с золотом к задней, облегчив таким образом ход своему коню и приготовив его к крутому спуску в долину. Только потом он спросил:

– Скажи-ка, как ты справился с Сумасшедшими?

– Первого я убил кинжалом, а со вторым пришлось драться голыми руками.

– Драться? – подскочив от удивления, воскликнул Кавендиш. – Ты что, убил Сумасшедшего в драке?

– Да ведь это детеныш, – расстроенно произнес Джаг.

– Ну и что? Ни один человек, живущий в этих горах, не может похвастаться тем, что он одолел даже детеныша Сумасшедших в честном бою. Я знаю несколько городов, расположенных за меридианом Тобиаса, где очень ценят борцов. Ты мог бы там быстро разбогатеть.

Джаг покачал головой.

– Я больше не буду продаваться или выставять себя напоказ, для удовольствия богатых.

Разведчик пожал плечами и с деланным разочарованием тихо произнес:

– Очень жаль, а то я мог бы заняться твоей карьерой.

– Я больше никому не позволю распоряжаться моей жизнью и теперь буду делать только то, что мне нравится, – ответил Джаг.

Он спокойно подошел к обезьяне, которая продолжала тихо стонать, и ударом кинжала в сердце положил конец страданиям животного.

Потом он направился к коню и осторожно прикрепил бледное и холодное тельце ребенка к своей груди.

Уже сидя в седле, Кавендиш внимательно наблюдал за ним своими бледно-голубыми глазами и задумчиво теребил короткую бородку.

– Нужно же делать хоть что-то, чтобы выжить, так чем ты хочешь заняться? – настойчиво спросил он, наблюдая за тем, как Джаг вдевает ногу в стремя.

– Я хочу быть свободным и больше ничего, – ответил Джаг.

– Ты выбрал самое трудное, – буркнул разведчик.

Он развернул своего коня и поскакал к долине.

Глава 6

Кавендиш спускался первым, управляя лошадьёю одной рукой и не выпуская карабина из другой.

Выжженное солнцем плато сменилось зарослями ежевики и густыми колючими кустарниками, между которыми вилась узкая каменистая тропа. Долину по-прежнему невозможно было рассмотреть: она была закрыта плотным занавесом клубящегося тумана, похожего на хлопья ваты со странными испарениями, которых Джаг никогда еще не видел.

Чистокровная лошадь разведчика была явно перегружена и так часто спотыкалась, что Джагу давно хотелось предложить своему спутнику взять на себя часть его груза. Правда, он знал характер Кавендиша и его явное нежелание просить или принимать чью-либо помощь. К тому же, Джаг опасался, что такой жест может быть дурно воспринят: ведь его спутник мог подумать, будто Джаг хочет завладеть частью груза. Вот почему он отказался от этой мысли – в конце концов, первый шаг должен был сделать сам Кавендиш. Джаг очень страдал от молчания – у него слишком долго не было настоящего собеседника, и он завел разговор со своим спутником:

– А что это за город, в который мы едем?

Разведчик помолчал, а потом довольно грустно ответил:

– Я все объясню тебе, когда мы приедем, если только нам удастся добраться туда.

Джаг озадаченно нахмурил брови: Кавендиш был циником, но пессимизм никогда не был присущ его характеру.

Однако сейчас разведчик часто бросал встревоженные взгляды на заходящее солнце, которое опускалось к гребням гор, окружавшим плато. Одновременно Кавендиш погонял пятками своего коня, жестко удерживая его уздечкой в нужном направлении.

Окружающий их пейзаж постепенно менялся: зеленая растительность стала гуще. Они въехали в тенистые заросли, и, по мере продвижения, Кавендиш все более внимательно всматривался в окружавшие их стены зелени. Он заметно нервничал, с недовольным видом вертел головой из стороны в сторону и походил на флюгер, который крутится под порывами ветра. Одновременно он смахивал и на молодого барашка, ожидавшего нападения волка.

Джаг тоже встревожился – тропа, по которой они ехали, казалось, становилась все более опасной. Он почувствовал, как мышцы на его спине и затылке напряглись, а пальцы руки, сжимавшей уздечку коня, побелели от напряжения. Джаг предчувствовал какую-то скрытую угрозу: в самом воздухе было нечто настораживающее, даже шум листвы, которую тербил легкий ветер с плато, казался подозрительным.

Кавендиш вдруг сказал, не поворачивая головы:

– Сейчас справа появится полоса красной земли. Как только мы подъедем к ней, пускай лошадь в галоп!

Тропинка становилась все более неровной и узкой: теперь оба всадника ехали под сводом древесных растений с толстыми стеблями, на которых топорщились оранжевые колючки.

– Не дотрагивайся до них, – предупредил Кавендиш. – Смерть покажется избавлением, по сравнению с тем, что тебе придется испытать, если ты уколешься одной из этих колючек. Они выделяют отравленный сок, и кровь человека от него словно закипает: я видел, как люди из-за одного такого укола сдирали с себя кожу, стараясь обнажить мясо.

Странно, но это предупреждение успокоило Джага: ведь если эти заросли были столь опасны, то в них никто не мог спрятаться. Даже Зак, который обычно любил хватать на ходу листья или траву, на этот раз шел посередине тропы и его бока слегка подрагивали, словно конь боялся чего-то. Кавендиш продолжил объяснения, и Джаг вновь почувствовал себя неудобно.

– Этот яд не действует только на Сумасшедших с плато, для них такой укол – словно ожог крапивой.

Джаг с трудом проглотил слюну – он напрягся, словно натянутая струна, и погрузился в воспоминания о своей схватке с двумя обезьянами. Он совсем не хотел причинять им зло, просто, посчитав их поведение опасным для собственной жизни, он защищался, вот и все. Так сложились обстоятельства! Ведь он не мог предположить, что приматы играют с ним, да и сейчас не знал, чем бы закончилась такая игра. В юности он иногда позволял себе довольно жестокие игры: поджигал муравейники, надувал с помощью соломинки жаб, пока они не становились раза в три больше, обрывал крылья мухам, разрезал на части земляных червей – и все это вовсе не казалось ему варварством. Он просто играл, не задумываясь над последствиями таких игр. Какое ему было дело до того, что игры подобного рода кончались трагически для тех, кто был их объектом? Наверное, и обезьяны могли так же сыграть с ним.

Внезапно мысли Джага сами собой перешли к вещам более прозаическим: он почувствовал явное беспокойство от того, что ему, возможно, предстоит встретиться со взрослыми обезьянами, а у него не действует правая рука и вооружен он только ножом. Конечно, было бы намного спокойнее, если бы с ним был его винчестер. Воспоминания об оружии, сломанном с такой легкостью, лишь усилили его тревогу. Джаг тут же вспомнил о тесаке в седельной сумке и на всякий случай потрогал его рукоятку.

Джаг даже подумал, что Кавендиш сам виноват в том, что сейчас с ними происходит: они потеряли слишком много времени из-за того, что разведчик решил во что бы то ни стало набрать этого порошка. Ну а теперь им приходилось двигаться чересчур медленно, потому что Кавендиш явно перегрузил своего коня. Зачем ему был нужен этот порошок? Он что, хочет продать его? Разве ему мало золота, которое он везет с собой?

Джаг так и не сумел найти ни одного ответа. Путники подъехали к разветвлению дороги, и под копытами их коней зазвенела сухая глинистая земля. Внезапно из густых лесных зарослей возник огромный силуэт какого-то животного, которое вырвалось на тропу, словно летящий на всех парах паровоз.

– Это их мать! – закричал Кавендиш, прищипывая своего чистокровного коня.

– Мать? – удивленно спросил Джаг.

Если это разгневанное животное, похожее на гору мышц, было их матерью, то каков же тогда отец?

Джаг ударил коня пятками и сразу же прищелкнул языком, посылая Зака вслед за мчавшимся по тропе Кавендишем. За ними по пятам неслись обезьяны – целая толпа приматов, каждый из которых был вдвое выше и шире, чем те, с кем пришлось иметь дело Джагу. Они соскакивали с деревьев, разрывали зеленый занавес леса и мчались за беглецами, издавая пронзительные вопли.

Джаг быстро убедился в том, что Сумасшедшие постепенно и неотвратно сокращали расстояние, нагоняя их. Они неслись вперед, отталкиваясь мощными руками, которые били глинистую почву, словно отбойные молотки. Создавалось впечатление, что обезьяны мчатся, почти не касаясь земли.

Джаг склонился к голове коня, подбадривая его голосом и стремясь ускорить бег, хотя Зак и так уже несея, как ветер. Перегруженный конь разведчика не мог развить такую же скорость, и Джаг вскоре догнал его.

Разведчик, отпустив повод, обернулся и дважды выстрелил. Две обезьяны, убитые им, покатались по земле, однако это лишь подхлестнуло остальную часть стаи – приматы ускорили бег и приблизились к ним.

Джаг вдруг увидел, что легко обходит своего компаньона. Вырвавшись на полкорпуса вперед, он был вынужден сдерживать своего коня, чтобы не ускакать дальше.

– Сбросьте сумки с золотом! Они слишком тяжелые! – прокричал он.

– Ну уж нет! – буркнул Кавендиш, сделав еще два выстрела. – Не говори мне под руку, ты мешаешь стрелять!

– Тогда бросьте порошок, а то они догонят нас! – предложил Джаг.

Обезьяны действительно были очень близко! Теперь можно было легко рассмотреть их гладкие, покрасневшие от ярости морды. Приматы неслись молча, их тонкие губы раздвинулись, обнажив огромные страшные клыки. Осознав, наконец, близость и реальность смертельной опасности, Кавендиш решился: с недовольным лицом он отцепил от седла один из пузырей и швырнул его. От удара об землю пузырь лопнул и из него вылетело густое фиолетовое облако.

– Еще! – настаивал Джаг – Нужно бросить все!

На губах у разведчика появилась мучительная улыбка, словно у него болело сердце, и он грубо бросил в ответ:

– Им вовсе не нужен порошок, они хотят убить нас!

– И они это сделают, если вы не избавитесь от лишнего груза, – буркнул Джаг.

Яростно скрипнув зубами, разведчик все же решился и сбросил все пузыри, набитые сиреневым порошком. Его конь сразу значительно ускорил бег, и всадники стали довольно быстро удаляться от преследователей.

– Куда мы скачем? – спросил Джаг.

– Не знаю! Я никогда не ездил по этой дороге, но уверен, что она не ведет нас ни к чему хорошему.

Джаг едва сдержался, чтобы не выругаться. Хорошо еще, что эта тропа не походила на тупик, как предыдущая. Она, напротив, расширялась, и теперь окружавшая путников растительность стала реже. Копыта коней зацокали по твердой песчаной почве.

Внезапно раздался резкий звук трещотки, похожий на шум, производимый гремучей змеей. Это опять начал кричать Энджел. Кавендиш гневно взглянул на него и спросил:

– Чего он так верещит? Что с ним такое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.